

Макдональдс на Клейалли казался маловероятным местом для шпионажа. С таким же успехом можно было попытаться дезертировать в магазине «Вулворч».

Западный Берлин, охраняемый двенадцатью тысячами солдат союзников и окруженный полумиллионом солдат Варшавского договора? Там дезертирство имело бы смысл. Темные и заснеженные лощины Грюневальда, в шести милях от Стены и в двух шагах от штаба Берлинской бригады? Конечно.

Двадцатидевятилетняя и незамужняя Руби Келлер, окончившая Мэрилендский университет по специальности «государственная политика», была сотрудником дипломатической службы первого этажа. Новичок в Государственном департаменте, она занималась оформлением виз, потерями паспортов и прочими мелкими проблемами, с которыми сталкивались граждане США, посещавшие Западный Берлин. Она никогда не признавалась в этом во время ежедневных телефонных разговоров с матерью, но огромная часть ее рабочего дня уходила на приготовление кофе для всех старых добрых парней в этом изолированном форпосте Госдепартамента.

Все говорили ей, что она находится под микроскопом, что за ней наблюдают всевозможные агентства, состоящие из множества букв алфавита: русские пытаются склонить ее к шпионажу, а американцы следят за тем, чтобы она этого не сделала. Безумие для фермерши из Индианы. Макдональдс в Клейалли (первый ресторан в Германии с проходным окном) казался безопасным, как дом, нелепо далеким от всех этих международных интриг.

Келлер притопнула ногой, приходя в себя от холода, и стряхнула снег с куртки. Было уже поздно, после десяти, но ее внутренние часы все еще были настроены на время в Вашингтоне, где она провела восемнадцать месяцев тренировок, и ее тело считало, что пора ужинать.

Последние пятнадцать минут она шла от своей квартиры рядом с дипломатическим представительством, щурясь от слепящего света флуоресцентных ламп. Трудно было поверить, что она все еще находится в Германии. Все это место могло быть телепортировано прямо из ее родного города Эвансвилла. Она заказала «Гамбургер-роял» (четверть фунта, но это не переводилось в метрическую систему) и картофель фри. Автомат по приготовлению коктейлей был сломан.

Руби привыкла к холодным зимам и подумывала о том, чтобы поесть на улице во время прогулки, но оказалось, что было слишком холодно для таких приключений. Вместо этого она нашла столик у окна и, как дома, откусывала сэндвич и смотрела на мир.

Обеденный перерыв был уже давно позади, но европейцы едят допоздна, а солдаты-пехотинцы ели постоянно. Ребята за прилавком говорили по-английски, как и девяносто процентов покупателей — большинство из них были солдатами или гражданскими служащими британских или американских вооруженных сил. Руби говорила по-немецки, причем очень хорошо, но надеялась, что ей придется еще много практиковаться. Подавляющее большинство немцев, с которыми она познакомилась после приезда, говорили по-английски. Если она пыталась заговорить по-немецки, на нее просто смотрели пустым взглядом. За болтовней посетителей о новых американских фильмах и автомобилях V-8 легко было забыть, что они находятся в самом сердце коммунистической Германии.

Сотрудники службы дипломатической безопасности Госдепартамента предупредили ее еще до отъезда из Вашингтона. «Hauptverwaltung Aufklärung» — сокращенно ГРУ — контрразведывательное подразделение ужасной Штази, полагало, что каждый человек в берлинской миссии — шпион. ЦРУ ничего не делало для того, чтобы разузнать восточных

немцев в этом, поскольку это была пустая трата рабочей силы. Судя по тому, что читала Келлер, это не имело большого значения. Штази вербовала практически всех жителей страны, что давало им практически неограниченный запас людей, за которыми можно было шпионить — в основном друг за другом.

Наблюдение было само собой разумеющимся. Можно было предположить, что каждая комната и каждый телефон за пределами посольства прослушивались — если не ГРУ, то ФРС. Руби, воспитанник оркестра из Индианы, находил все это захватывающим.

Люди называли это «холодной войной», и по большей части они были правы, но когда она закипала, она закипала по-крупному.

Напряженность между Востоком и Западом была наихудшей со времен Кубинского ракетного кризиса. С каждым месяцем узел войны, о котором Хрущев предупреждал Кеннеди, затягивался все туже, и казалось, что его невозможно развязать без мечей. Ракеты «Першинг II», размещенные по всей Европе, полеты американских самолетов над спорными островами, не говоря уже о президентской Стратегической оборонной инициативе — все это заставляло Советский Союз нервничать и беспокоиться о своем будущем. Рубли, которые тратились на поддержание государств-сателлитов, перенаправлялись на ракеты для противодействия капиталистической угрозе со стороны главного врага — США.

В результате Восточная Германия оказалась в условиях истощения казны и нехватки средств для восполнения недостающей советской помощи. Все было на взводе.

Двумя годами ранее истребитель Су-15 сбил гражданский авиалайнер «KAL», случайно зашедший в советское воздушное пространство по пути из Анкориджа (Аляска) в Сеул, в результате чего погибли двести шестьдесят девять человек. Келлер хранила фотографию из журнала «Лайф», на которой были изображены ботинки жертв, выброшенные на берег, как напоминание о жестокости русских. Несколько месяцев ранее советские войска открыли огонь по солдату американской армии, фотографировавшему военный объект вблизи Потсдама, и убили его.

Обе стороны выполняли разведывательные задачи. На Востоке это могло стать смертным преступлением.

Мать Руби была в ужасе от того, что ее девочка решила отправиться в место, которое в ночных новостях часто называли «Гранд-Зеро». Но для Руби это было пламя, которое сделало ее ближе.

Сотрудники туристического отдела Госдепартамента доставили ее самолетом в Бонн для первоначального инструктажа, а затем она отправилась на поезде через восточногерманскую сельскую местность в Берлин. Большая часть пути проходила ночью, но она была слишком взволнована, чтобы спать. Руби Келлер, скрипачка со Среднего Запада, жила, как в шпионских романах, выполняя невыполнимые задания. Пугающе авантюрное место, с тесными, наполненными дымом вагонами поездов и крикливыми полицейскими, которые, казалось, с хмурым видом получали свою ежедневную дозу коммунизма.

В своей фуражке с высоким околышем и форме черничного цвета «Тра-по», то есть транспортный полицейский, выглядел соответствующе. Он разрушил ее предубеждения, когда проверил ее дипломатический паспорт и вернул двадцать пять марок, которые она заплатила за проезд через ГДР. Дипломаты, пояснил он с легкой улыбкой, освобождены от уплаты пошлины.

Ночь уступила место утру и завесам дымки от вездесущего бурого угля Восточной Германии. Ее предупреждали, что именно этим — бурым углем и разложением — пахнет это место. От этого можно было укрыться в Бонне или в западногерманской сельской местности, но здесь, в Берлине, окруженном со всех сторон, отчаяние Востока штурмовало Стену, как в осадной войне, и этот запах проникал сюда.

Дверь «Макдональдса» открылась, вырвав Руби из раздумий порывом холодного воздуха и болтающей группой американских военнослужащих. Руби доела сэндвич и встала, закинув сумку на плечо. Было бы замечательно завернуться в выданные правительством одеяла и почитать книгу, пока обогреватель тикает и гремит, усыпляя ее. Холод ущипнул ее за нос, когда она вышла из яркого света ресторана на тихую, поросшую лесом улочку, отходящую от широкого бульвара Клейалли. Десятки пешеходов, закутавшись от холода, шли к близлежащим военным домам и обратно, переговариваясь и смеясь.

«У англичан такой классный акцент...»

Келлер как раз проходила под фонарем, направляясь к главной дороге, когда услышала шум на парковке слева от себя, внезапную тишину, как будто люди не могли поверить в то, что видят. Прежде чем она успела повернуться и посмотреть, что-то тяжелое врезалось ей в плечо. Тротуар был скользким от истоптанного снега, ноги вырвались из-под нее, и она упала на спину, выбив весь ветер из легких. Она вспомнила, что где-то читала, что нужно резко выдохнуть, чтобы снова начать дышать. Теоретически это было здорово, но все, что ей удалось сделать — это хриплое кваканье.

Мужчина, столкнувшийся с ней, упал на землю рядом с ней. Он выругался по-немецки и поднялся на ноги — теперь уже с ее сумочкой в руках.

Руби перевернулась на бок, чувствуя себя как барахтающийся тюлень на льду. Она попыталась закричать, у нее получился жалкий вздох, но это было уже неважно. Несколько прохожих увидели происходящее и бросились на молодого человека, сбив его с ног в схватке кулаков и ног. Попытка украсть женскую сумочку в толпе тоскующих по дому солдат была обречена еще до ее начала. К ним присоединились и гражданские — мужчины, женщины, даже несколько девочек-подростков. Кто-то крикнул, чтобы вызвали полицию. Сержант с детским лицом выхватил у обидчика сумочку и поднес к ней.

Он улыбнулся — такой улыбкой, которая говорила о том, что он бы приклонил шляпу, если бы она у него была — и спросил, все ли с ней в порядке, помогая ей подняться на ноги.

— В основном, смущена. — ответила она, счищая снег с плаща и проверяя себя на предмет переломов. — Все гнется так, как должно.

Так говорил ее дед.

Грабитель не успел ничего взять из ее сумочки, но Руби все равно шагнула под фонарь, чтобы проверить. Она остановилась, когда увидела, что находится внутри. Она с недоверием посмотрела на толпу, потом снова на сумочку. Этого не могло быть. Это была ее сумка, но вместо того, чтобы что-то украсть, кто-то или что-то положил в нее. Коричневый бумажный пакет, в котором лежал сложенный лист бумаги для печатания и черная восьмидюймовая дискета.

Руби свистнула, чтобы привлечь внимание сержанта, который вернулся к группе, удерживающей грабителя на земле. Она подняла саквояж, когда он повернулся.

— Вы сняли это прямо с него?

— Нет, мэ. — сержант покачал головой и сказал. — Я помог его прижать. Эта женщина... — он повернулся, чтобы посмотреть на группу, стоящую над поверженным грабителем. — Сейчас я ее не вижу, но почти уверен, что она была немкой. Она уже подобрала его, я думаю. Она отдала его мне, а я вернул его вам.

— Спасибо. — сказала Руби, глядя на компьютерный диск в своей открытой сумке.

На бумажке был адрес в Шантильи, штат Виргиния, и наспех нацарапанная записка, которая гласила: «Я хочу поговорить с кем-нибудь из вашей специальной службы. Инструкции находятся на диске. Код расшифровки вы найдете в Виргинии. Не привлекайте к этому никого из военнослужащих, находящихся в Германии». Руби закрыла сумку, сжимая застёжку до боли в костяшках пальцев.

Она оглянулась через плечо. Кто-то, должно быть, наблюдает за ней. И что это за женщина, которая дала сержанту сумочку? Почему бы ей самой не вернуть ее? В дипломатическом мире «поговорить со спецслужбами» было своего рода сокращением. Кто бы это ни был, он хотел перебежать на другую сторону.

Дело было серьезное. ЦРУ в «НЕКТО», возможно, армейская разведка — многие захотят поговорить с этим парнем-грабителем, выяснить, кто он такой и что ему известно, и с женщиной тоже, если удастся ее найти. По толпе прошел ропот.

— Отойдите. — сказал кто-то.

— Дайте ему немного пространства. — сказал другой.

Было темно и шел снег, а толпа была так велика, что Келлер с высоты своего положения могла только разглядеть голову нападавшего. Его шерстяная шапка слетела с головы во время потасовки. Длинные волосы разметались по снегу. Затем один из друзей сержанта, склонившийся над неподвижной фигурой, встал и отошел в сторону.

— Опа! По-моему, этот парень мертв.